

Ведущая «Новостей культуры» на канале «Культура» Елена Ланская родилась в подмосковном Талдоме, после школы - в середине 80-х - уехала в Москву. Занималась в одной из многих в то время театральных студий, поступила на режиссерский факультет ГИТИСа (в актерскую группу). Отучилась два года, на год ушла в академический отпуск, после чего поступила в Щукинское училище на курс Юрия Авшарова, где к тому времени уже учился ее тогдашний муж Эдуард Радзюкевич. Когда они познакомились, он работал кладовщиком в Парке имени Горького и параллельно занимался в театральной студии. Это был знаменитый курс, из которого потом вышел театр «Ученая обезьяна».

Григорий Заславский

ЕЛЕНА, почему вы пошли работать на телевидение, почему вы, как и все остальные, впрочем, не остались в «Ученой обезьяне» и почему театр так быстро распался? Казалось, такая хорошая компания?

— Да, тот редкий случай, когда собирается команда, когда люди - родные, понимавшие, что вместе мы много можем сделать... За всю историю Щукинского училища наш курс - единственный оставили на пятый год обучения. Обучения уже не было, мы просто ходили получать стипендию. Владимир Абрамович Этуш нас оставил, чтобы мы не разбежались, чтобы все-таки попытались сделать театр. Параллельно в ГИТИСе заканчивал курс Фоменко, и нас одинаково любили. Но из них получилась «Мастерская...», наверное, это заслуга Петра Наумовича Фоменко, а из нашего курса - нет. Авшаров, мне кажется, слишком полагался на нас. Помню, он нас собрал, сказал, что с нами расстанется, что мы должны разойтись. Еще какое-то время мы держались, говорили, что будем работать вместе. И жаль, что в итоге ничего не вышло... В Щукинском училище запрещено аплодировать на учебных показах. Юрий Васильевич Катин-Ярцев очень настаивал на этом, считая такие аплодисменты, наверное, неэтичным чем-то. И вот когда мы показали «Город мышей» (а это была самостоятельная работа), где разыгрывали всю эту музыкальную историю, играя на канализационных трубах, бутылках, свистели, пытели, воцарилась гробовая тишина. Потом - взрыв аплодисментов, после чего мы испугались еще больше, зная, что это запрещено. Но когда занавес открылся, мы увидели, что стояли все, даже кафедра стоя аплодировала.

— А дальше?
— Меня позвали на Российское телевидение диктором. В то время еще был силен стереотип, что диктор телевидения никогда не будет работать ни в театре, ни в кино. Меня это остановило. Я зарабатывала деньги ведением каких-то программ, концертов. В результате оказалась на «Радио России», проработала там несколько лет диктором, принимала участие в озвучивании разных программ. Научилась там работать с микрофоном. Это большой плюс актеру, поскольку многие не умеют работать с микрофоном. Поэтому сегодня я могу думать о каких-то аудиопроектах... Потом была коммерческая радиостанция с прямыми эфирами, какими-то программами. Другой ритм, другие традиции, все живее, мобильнее. Потом месяца два или три я вела на НТВ программу «Лучшая половина». Пятнадцатиминутная ежедневная передача. Сейчас я ее смотрю и закрываю лицо руками. Мне стыдно, то, что мне казалось нормальным тогда, сейчас выглядит совершенно иначе. Программу закрыли, я была беременна и очень этому обрадовалась, поскольку вряд ли это было полезно. Родила сына, и, когда ему исполнилось два месяца, меня позвали работать ведущей на канале «Культура», который только-только открывался. Три с половиной года я здесь работаю.

— Наверное, некоторые из моих вопросов было бы правильнее адресовать не вам, а главному редактору канала Татьяне Олеговне Пауховой. Но коль скоро она так умело скрывается от общения с журналистами, в том числе и с «Независимой газетой», что какие-то вопросы, имеющие отношение к каналу в целом, я задаю вам. Тем более что ведущий новостей традиционно воспринимается одним из первых лиц на канале. Как формируются выпуски «Новостей культуры»? Кто выбирает те или иные сюжеты?

— Это именно вопрос к руководству службы новостей - о приоритетах. Это, наверное, политика - если не канала, то службы новостей. Наверное, она субъективна. Наверное, если бы составляли выпуски сами ведущие, они были бы другими.

— Но сами вы можете кого-то куда-то направить - на выставку, в театр?

— Могу рекомендовать, но последнее слово остается не за мной. В других компаниях я имела право отбирать, что войдет в мои выпуски. Сейчас я только ведущая. За мной остается право сказать о том или другом так или иначе. От меня зависит, как я преподнесу новость. С юмором в глазах или с той или иной мерой серьезности. Хотя рамки новостей - не рамки автор-

Елена Ланская - прима канала «Культура». Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

ПРИМА САМА ПО СЕБЕ

Ведущая «Новостей культуры» Елена Ланская начинала в театре «Ученая обезьяна» и утверждает, что сможет однажды оставить телевидение ради театра

ской программы. Возможностей для маневра меньше. Из любой ситуации надо извлекать пользу. Надо постараться сделать интересным то, что мне дано. Разные бывают выпуски. Есть материал, нет материала или сломалась камера и много повторов... Нюансов много, и многое зависит от меня. Игорь Кириллов учил нас: новость надо сделать интересной для любой бабушки на кухне. Я представляю скорее своих друзей, умных, образованных, интеллигентных. Думаю, чтобы им было интересно.

— Один из часто звучащих упреков в адрес канала - большое количество ошибок - фактических, в фамилиях, в ударениях. Вы как-то анализируете ошибки?

— Да.
— Можете ли вы устроить разное корреспонденту, который вас таким образом подставил?

— Могу, конечно. Но будет поздно уже. В мои обязанности не входит отсматривать сюжеты. Я не редактор. Это командная история, хотя на экране остаются только сюжет и я. Зритель не понимает, что происходит этим командой из 50 человек... Сказать я могу с большей или меньшей степенью эмоциональности. Но он может послушать меня или нет. Если ему наплевать, он все равно будет работать плохо. Например, сейчас нашим имиджем и стилем занимается школа стилистов. Одна девушка-парикмахер может прийти за пятнадцать минут и сделать все так, что невозможно будет ругаться, что она опоздала. А другая придет вовремя, будет час что-то делать, и потом руководство будет предъявлять ко мне претензии, что я не причесана. Я могу поговорить раз-два, но руки я ей переделать не сумею. В конце концов нравится мне это или не нравится, устраивает или не устраивает, это происходит так, и я бессильна что-либо изменить.

— То есть прима на канале «Культура» вы не являетесь?

— Что значит прима? По жизни сама по себе я - прима... Но я, конечно, не могу так сказать, ни в какой мере. Я понимаю, что кричать или высказывать свое «фэ» бесполезно, если человек не понимает и не любит свое дело. Профессиональные люди видят сами свои ошибки и, как правило, недовольны своим результатом. Если я понимаю, что в данном случае я могу что-то сдвинуть и буду услышана, я, конечно, попытаюсь как-то пошевелиться и что-то сделать.

— На канале «Культура» почти неизменной осталась известная нам по советским годам дикторская форма подачи. В вас - во всех ведущих новостей - почти нет ничего от ведущих. Почему так?

— Вспомните канал «Культура» год назад. Когда я начинала на нем работать, я не рекомендовала его смотреть. А сейчас - другая история. В первые полтора года друзья смеялись, что я работаю на пенсионерском канале, и я смеялась вместе с ними. Сейчас я так сказать не могу.

— Но в качестве того «пенсионерского канала» сомневаться не приходилось. Оно было высоким. Современный же материал постоянно ставит под сомнение квалификацию и критерии выбора.

— Я абсолютно с вами не согласна. Я очень много спектаклей записываю с канала «Культура», киноклассику, мультфильмы...

— Но в нагрузку к мультфильму прилагается чудовищного качества вечерняя сказка.

— Но давайте вспомним, что происходит на других каналах, где однодневки, никому не интересных, достаточны.

— Когда канал создавался, у

Швыдкого, кажется, была идея так называемого «лица недели» или «лица профессионала в своей области». Ведущий, который вел новости, а потом беседовал с героями дня. На канале «Культура», мне кажется, не должно быть ведущих, не имеющих отношения к культуре.

— Абсолютно с вами согласна. Более того, я помню хорошо это время планов. Когда Михаил Ефимович уходил, нам казалось, что это - трагедия. Он часто бывал в «Новостях», мы могли обсуждать с ним все вопросы. И мы видели, что хоть 1%, но учитывается, что мы работаем не впустую. Но канал развивается, несколько иначе, но движение есть, поверьте. Я многого не знаю, конечно, поскольку не вхожу в число людей, которые интересуются тем, что их не касается.

— Кто на канале «Культура» решает, как должны выглядеть ведущие и с какой причешкой появляться на экране? Долгое время вы убрали волосы назад, потом вдруг распустили, и даже цвет стал другим...

— (Смеется.) Это была просьба Михаила Ефимовича - как-то оживить, видеоизменить образ. Я тогда прислушалась к его мнению, не считая такую просьбу катастрофой. Тот образ я тоже считаю достойным, но я очень подвижный человек в этом смысле и откликнулась. Мне нравится пробовать себя. В рамках нашего канала - у нас же не МузТВ. Хотя я с удовольствием попробовала бы безумные цвета волос, и прозрачные наряды... Когда я работала с гладкой головой, кто-то назвал меня не ваханговской, а мхатовской девушкой. Я пожалела тогда плечами.

— Очень сильно ощущение, что в выпусках «Новостей культуры» много - и чем дальше, тем больше - коммерческих материалов...

— Это абсолютная неправда. Что значит коммерческий материал? У нас каждый сюжет индивидуален. Если это рассказ о выставке - мы сейчас не говорим о качестве самого сюжета, - мы говорим о художнике, его картинах...

— Я говорю про сюжеты о турецком мехе или недавно - вдруг о Тунисе, где сейчас как будто бы особенно хорошо. Безо всякого информационного повода.

— Если вы думаете, что у нас после этого сюжета поехали в Тунис, то это не так. Кроме журналистки, которая делала сюжет, никто не ездил. Нам от этого сюжета ничего не перепало. Все остальное зависит от умения журналиста. Я считаю, что культура не только в ЦДХ и Большом театре. Талантливо можно рассказать в «Новостях культуры» и про салон красоты. Как люди талантливо и творчески подходят к своей профессии... Если бы могла составить выпуск, я бы рассказала о том, как можно творчески подойти к любой профессии и в хирургии, и в педагогике. Культура профессии - во всем и касается всего.

— В конце ваших выпусков пишется, кто предоставил костюмы для ведущей. Мне всегда было интересно, костюмы эти достаются потом вам или нет?

— Нет, их потом не дарят. Никогда. На коммерческих каналах, которые живут от рекламы, как это и принято, существуют другие традиции. Хотя мне бы хотелось иметь некоторые костюмы в своем гардеробе. Но что-то я могу себе сама позволить.

— Есть ли на канале «Культура» цензура? Ну, например, я не так давно столкнулся с тем, что на вашем канале нельзя критиковать министра культуры Михаила Швыдкого...

— А разве на канале РТР можно ругать Олега Борисовича Добродеева?

— Думаю, что - нет. И это - нормально. Но Швыдкой давно не является руководителем канала «Культура» и даже ВГТРК.

— Но если серьезно, Добродеева я считаю профессионалом экстра-класса. А что касается критики, это - традиция. Определенных людей нельзя ругать на ОРТ, поскольку эти люди владеют большим пакетом акций. И т.д.

— Но что же делать, если культура - область, где могут быть разные точки зрения, не только те, что разделяет в данный момент министр культуры?

— Я думаю, что, если не говорить о каком-то желтом преподнесении того или иного вопроса, такой анализ, в том числе и критический, должен быть. Того или иного поступка людей того или иного ранга. Этичный и разумный анализ. Почему сейчас происходит не так, а другим каким-то образом, как вы говорите, я не знаю. И полагать не могла бы, к сожалению. Мы много раз говорили о том, что у нас должны быть более или менее живые, с определенной долей интриги, подводки к следующему новостному сюжету. Я была бы только за, но я принимаю тот стиль, какой мне диктуется. Могу с редактором что-то обсудить, сказать, что что-то будет интереснее так, а что-то иначе, где-то сделать свою речь более разговорной. Но не со всеми это получается. Мне кажется, что сам стиль подачи новостей можно было бы сделать более интригующим, более живым. Мешают некая менторская интонация, пережитки дикторского телевидения... А это не нужно.

— Одна известная радиоведущая, менее известная как телеведущая, заметила однажды, что завязала с актерской профессией раз и навсегда. Выбрала микрофон и уже не собирается возвращаться на сцену. Вы не оставляете сцену. Можете ли вы однажды оставить телевидение ради театра?

— Конечно. Пока у меня будет возможность совмещать, я буду совмещать. Мне кажется, что для актера полезен опыт работы с микрофоном, опыт работы на телевидении. Это две абсолютно разные планеты. Тут ты в определенных рамках, делаешь только то, что тебе положено. Не больше и не меньше. В театре я могу делать все. Я вышла на канал «Культура», когда моему малышу было два месяца. Физически не было времени на занятия еще чем-то. Когда ему исполнился год, появилось какое-то свободное время, судьба благосклонно предоставила мне театральную работу. Восемь лет я не была на сцене. И рада, что не прыгала все эти годы на заднем плане в массовке... Я пытаюсь донести до зрителя то, что мне удалось накопить за это время. Пока я работаю в спектакле «Койка» Андрея Соколова. Для меня нет момента тщеславия - мелькаю я в телевизоре или нет. Я отношусь к этому так: это - еще один плюс в мою актерскую копилку. Актер без прессы, без того, что грубо называется раскруткой, сегодня состояться не может. У него не будет новых проектов, пресловутых премий, вручающихся более или менее честно... В «Койке» год почти в программках не было моего имени. Первые четыре спектакля отработала другая актриса, и я так и шла под ее именем. В результате я сказала: ребята, у меня одна жизнь, и я не могу работать на чужое имя. Может, я кому-то понравлюсь, и в следующий раз он придет, увидев мое имя. Или - не придет. ■